

Вадимир ТРУСОВ

г. Мончегорск, Мурманская обл.

И молвит непременно кто-нибудь: «Ну при чем тут фантастика? Жанр этот в эпоху повального потребления и торжества массовой культуры основательно обмельчал, потускнел и вообще пущен в распыл сорным коммерческим фэнтези, сколоченным по принципу «что хочу, то и ворочу». Разве можно от него, в целом, отталкиваться?» А я отвечу: верно говорите, коллега. Но не совсем. Потому что при всей очевидности вышесказанного добротную научную, действительно научную, фантастику никто не отменял. И фэнтези, кстати, тоже фэнтези рознь, если автор знает, о чем и зачем, вне коммерческого успеха, он пишет и, следовательно, отвечает за то, что создает. Аз же, грешный, поместил сей жанр в заголовки вот отчего.

Мой земляк и хороший знакомый, писатель-фантаст, член Союза литераторов России Андрей Буторин – автор одиннадцати повестей и романов, выпущенных в свет весьма солидными издательствами (при этом ни одного своего произведения автор не напечатал на собственные средства). Его рассказы публикуются в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. В шорт-листах некоторых интернет-конкурсов для фантастов Андрей, случалось, опережал весьма маститых и раскрученных своих коллег. Казалось бы, в родном городе такого автора должны не просто знать, а знать досконально и ценить соответствующе. На деле – ничего похожего. Да, имя Буторина известно довольно узкому кругу любителей жанра и вообще интересующихся лите-

ратурой людей. Но не более. Кстати, в одном относительно недавнем интервью Андрей так и сказал: «Нет, в моем городе меня не знают». Сказал очень спокойно, без экзальтации и обиды. Человек он весьма уравновешенный и автор состоявшийся. Вдобавок еще и в интернет-пространстве прекрасно себя чувствующий и его возможности использующий очень широко. Признаться, я не отношусь к числу его восторженных почитателей, но считаю, что фантастика Буторина весьма полезна молодым читателям именно на этапе знакомства с жанром, для формирования к нему правильного, не потребительского отношения, а также для обретения задатков истинного литературного вкуса, не ориентированного на мелкотемье «жареных» приключенческих сюжетов, в коих абсолютно отсутствует какая бы то ни было проблематика. Андрей Буторин как раз знает, зачем и о чем говорит с читателем, и за созданные произведения ответит перед любой аудиторией. Но если уж на ниве вполне коммерчески благополучной фантастики весьма успешный писатель остается ограниченно востребованным, что говорить об авторах, занимающихся «в глухой провинции, у моря» традиционными прозой и поэзией?

Здесь я просто обязан заблокировать поворот разговора, ведущий в область маркетинга, рекламы и прочей деятельности, лежащей за пределами творческого процесса как такового. Следует лишь упомянуть, что традиционная печатная литература раз и навсегда уступила информаци-

ное пространство электронным средствам распространения информации. Уступила прежде всего потому, что непосредственная борьба за такое первенство не является ни целью, ни даже локальной задачей литературы. Литература – не спорт, и даже конкурсы творческие в ней – явление вынужденное, во многом – дань шаблонам нашего утилитарного мышления. Сила литературы, на мой взгляд, прежде всего в искренности, человечности и ответственности перед читателем. Но сие – внутреннее содержание, не гарантирующее прямую дорогу к массовой аудитории.

Впрочем, и электронный вариант – не панацея. В сети ведь, как известно, и утонуть легко среди залежей разнообразного мусора, так завалит – не выберешься. Опять-таки, соответствующая подача требуется, а это вновь – отдельная песня. Публикация же в периодике или даже отдельное издание произведений на региональном уровне чаще всего служит самоудовлетворению автора, не более того. Почти два года назад на встрече с читателями нашего города известный прозаик, «метрополец» Евгений Попов откровенно заявил, что в поездках по родной своей Сибири нередко случается ему «открывать» для себя совершенно замечательных писателей, абсолютно неизвестных за пределами региона. Причины тому разные, но факт остается фактом. И вновь на этом месте следует купировать чью бы то ни было попытку перевести общение во внелитературную плоскость, мол, талант всегда пробьется, все дело в том, кто и какую цену готов за успех платить... (Неясно лишь, о какого рода успехе речь и что вообще считать успехом?) В ответ на инсинуации подобного рода процитирую строки Сергея Сусоева:

*В стремленье жить под небесами
(Давай, мой друг, себе не лгать)
Бездарности пробьются сами.
Таланту нужно помогать.*

Казалось бы, к чему это я? К тому, что реплика Евгения Попова вовсе не случайна и не является поклоном нарочитым в сторону провинции. В глубинке великой России живут и работают прекрасные литераторы, очень точно знающие то, о чем они пишут и зачем это делают. И в мелкотемье их не упрекнешь, не получается. Об этом несколько позднее, а сейчас – небольшое отступление, обращение к классике.

В свое время Лев Николаевич Толстой высказал в беседах с Анатолием Федоровичем Кони некоторые свои соображения, касающиеся сути творчества писателя и литературного процесса вообще. Вот как они звучали в устах классика: «В каждом литературном произведении надо отличать три элемента.

Самый главный – это содержание, затем любовь автора к своему предмету и, наконец, техника. Только гармония содержания и любви дает полноту произведению, и тогда обыкновенно третий элемент – техника – достигается известного совершенства сам собою... У современной критики (т.е. *восьмидесятых годов XIX века.* – **Прим. А.Ф. Кони**) писателю нечему научиться, так как она почти вовсе не касается содержания, а оценивает технику, тогда как задача критики – найти и показать в произведении луч света, без которого оно ничто. Надо писать pour le gros du public (для подлинной, значительной публики – франц. – **Прим. А.Ф. Кони**). Суд таких читателей и любовь их есть настоящая награда писателю, и вкус большой публики никогда не ошибается, несмотря на замалчивание того или иного произведения критикой. Такая публика ищет нравственного поучения в произведении, как бы рискованно ни было его содержание, то есть как бы откровенно ни говорилось в нем о том, о чем вообще принято откровенно умалчивать» (А.Ф. Кони. «Воспоминания о писателях»). Иными словами, на мой взгляд, Л.Н. Толстой говорил как раз об ответственности писателя за созданное произведение, прежде всего в том плане, что автор четко должен знать и понимать – зачем оно написано?

В связи с этим не могу не вспомнить, как в 2010 году, проводя поэтические мастерские в рамках фестиваля «На Соловецких островах», Владимир Шемшученко, изначально провозгласив императивом обсуждения умение авторов пользоваться средствами создания художественного образа (именно ту самую «технику» по Л.Н. Толстому), то и дело после прослушивания очередного конкурсного стихотворения начинал обсуждение с вопроса – «Давайте подумаем, а зачем все это сотворено?» – и только потом все-таки возвращался к «технике», ибо и в данном направлении можно и нужно было говорить о многом. Показательно, не правда ли? Я привел все эти высказывания именно потому, что авторы, творчества коих намерен сейчас коснуться, на мой взгляд, полностью соответствуют классическим требованиям, предъявляемым самой жизнью к русскому литератору.

Таков Александр Киров, прозаик из старинного русского города Каргополь. Киров свою землю знает и чувствует, много жизненного пространства у него нет и не будет, иначе давно уехал бы куда подальше из своих палестин. И время, в котором жил и живет, Александр ощущает и слышит. Вообще, в рассказах Кирова пространство и время очень гармонируют. Впрочем, подобная гармония едва ли может кого-то вдохновить, ибо русская северная провинция без должного призора хозяйского и радения

о ней на переломе эпох, мягко говоря, не процветает, а время – вялотекущее и затхлое, не способно само по себе заронить искру надежды в сердца человеческие. Нажива? Да, нажива и возможности её получения есть, иллюзорное счастье местных нуворишей присутствует либо угадывается, но это – гламя рисованное, не согревающее, виртуальное, если угодно. Иссякнут источники скорой наживы, и станет ясно, что никакого счастья не было и в помине. Оттого-то, по Кирову, все дело не в пространстве-времени, а в конкретных людях, обитателях этих самых пространств и времен.

А вот людей, о которых Александр повествует, он не изобрел, не нарисовал, они живут по соседству, автор вырос с ними на одной улице, сидел за одной партией в школе. Он и сам – один из них, он кое в чем им подобен, а в чем-то – совсем иной, но он из этой же среды, из народа. И неспроста сумел Киров, вопреки расхожим уничижительным мнениям посторонних, разглядеть в своих земляках необоримую силу духовную, веру в светлое и творческое начало человека и абсолютное нежелание быть рабом сложившихся, всегда предлагаемых извне, обстоятельств. Да, эти маленькие люди часто терпят поражения и погибнуть могут, и духовно, и физически. Но и тогда в моральном плане их действия, их поступки, их сопротивление ежедневной действительности: нищете и моральной деградации, спровоцированным безработицей и отсутствием элементарных условий современного уровня жизни, достойны огромного уважения, ибо, даже обреченные на неудачу, эти люди рук не опускают и продолжают уважать в самих себе человека, не желая дичать и звереть.

И выбор перед невеликими провинциальными персонажами стоит глобальный: либо тащить ношу свою до гробовой доски без надежды на скорый успех и зачастую вообще любой надежды, дающей возможность элементарно встать на ноги, либо сдаться и оскотиниться вконец. И жизнь в последнем случае с виду может по-иному, вполне удачно, поехать-покатиться, да только не их эта жизнь получится, да и вообще – не человеческая. А старик Митя, ветеран войны, помрет, но свою «ношу» крестьянскую не оставит, поскольку крестьянин русский никогда ни веры, ни земли родной не предавал, терпел, помирал, однако не сдавался. Ибо руки и душа у него всегда были помножены на веру в лучшее, в светлое, веру в Бога и Родину, в отчую землю (рассказ «Митина ноша»). А парнишка, учащийся интерната, по мнению учителей – безнадежный двоечник, хулиган, развратник и потенциальный преступник, оказывается на поверку нравственно выше многих своих педагогов и талантливее не

только сверстников, но «старших товарищей». Он желает быть только самим собой, не собираясь унижаться и приспособливаться к складывающимся ситуациям и заявляя оттого с полным правом: «...Вот вы спрашиваете, кого я уважаю. Себя. Нескромно? А пора бы уж и себя уважать, не давать втаптывать в грязь». И выражает неприятие сегодняшних реалий, несогласие с тем, что происходило и происходит вокруг, нежелание иметь ничего общего со своими поневоле учителями абсолютно точно и лаконично: «Не ваш и без уважения – Юрий Белозеров» (рассказ «Седьмая тема»).

И самое главное, что у Кирова все происходит не в условиях некой вымышленной жизни, а в очень узнаваемых ситуациях недавней смутной поры. Но вот парадокс: своих героев автор не щадит и, очень многим из них явно симпатизируя, поборужек никому не дает, а намеренной чернухи в его рассказах нет, и персонажи его повествований – живые, с изначальной свободой воли и выбора. И оттого верит человек, что если вырежет из куска дерева диковинную птицу, то и жизнь его полетит подобно такой птице, и счастье он обретет, и поможет другим, вполне конкретным людям стать счастливыми (повесть «Феникс из «Незабудки»»). Наивно, скажете? А истинная вера всегда искренне наивна, однако она же несет в себе интуитивное знание чего-то не поддающегося логике обыденности и превращающего обыденность в чудо. А это, в том числе, и созидание как способ существования, единственно возможный, кстати, способ. Даже если тебя собираются стереть из жизни, подобно записи на магнитной ленте, и даже стирают напрочь. Помните, как у Николая Мельникова: «Ломали кости, рвали жилы, // Но ни протеста, ни борьбы. // Одно лишь – Господи, помилуй! // Да вера в праведность судьбы».

Вот и у Кирова точно так же получается. И поверьте, поэтому я, прочитав первую книгу Александра, сборник рассказов «Митина ноша», и захлопнув её, тотчас же открыл вновь и стал читать с первой страницы. Я чувствовал, что обнаружил наконец-то родную, русскую, пусть на первый взгляд беспощадную, реальность и вполне знакомых мне людей, в реальности таковой живущих и стремящихся к свету и правде, пусть порой и не вполне осознанно. Однако же органично, не истошно-театрально, вне истерик, экзальтации, митингов и демонстраций. А ведь действительность у Кирова ничуть не менее жестокая, чем у Чехова (кстати, Александр – первый лауреат Всероссийской книжной премии «Чеховский дар» 2010 года). И отнюдь не намеренно это делается, просто-напросто иначе не получается. Ничего Киров не выдумывает, как не выдумал Чехов сюжет для своих поистине жутких «Устриц», напри-

мер. Словом, «...конечно, жизнь прекрасна, но кто предложит лучшую?» Имел я однажды наглость изречь такую вот тираду по поводу только что упомянутой современной реальности. И не стану в этой же связи даже касаться такого безысходного по первому впечатлению произведения, как «Троянос Деллас». Один только рассказ о неродившемся любимом сыне чего стоит (рассказ «Петька»)! Но величие души маленького человека и состоит в попытке неперемного преодоления нигилизма и негатива, не показушном, не публичном, а тихом и даже незаметном со стороны. А те, кто этого не видят, не желают видеть или не понимают, затем затевают долгие пересуды о загадочной русской душе и парадоксах российской жизни.

Только не пустословить следует, а внимательно наблюдать, изучать, понимать происходящее вокруг. И знакомиться с не привнесённой, не навязанной, настоящей, от корней русских происходящей жизнью искренне и накоротке, не боясь «измазаться» в грязи провинциальной повседневности. А Киров-то и не боится ничего этого, он такой жизнью и живет. И на внешние эффекты, подобно героям своих рассказов, не рассчитывает. Он вообще предпочитает глубину всем иным измерениям. И ведь заметили нового автора в Москве. Вторая книга его рассказов «Последний миннезингер» вышла в столице с предисловием Льва Аннинского. Но Александр, а я очень рад, что знаком с ним и поддерживаю общение, не спешит в популярные и модные. Преподает в своем родном Каргополе, там создает свои новые произведения и правильно делает. Ощущение собственных корней дает любому человеку возможность крепко встать на ноги и не гнаться за сиюминутной выгодой и модой, работая с дальним прицелом, ради будущего, а значит, не для себя одного, хоть и очень любимого, несомненно.

Конечно, не все рассказы Кирова одинаково удачны, что вполне естественно. Автор ищет новые формы, пытается порой совместить реальность и фантазмагорию, порой грешит излишней громоздкостью конструкций, на мой взгляд, в этом смысле показателен как раз «Последний миннезингер» (именно сам рассказ, давший название второму сборнику), но сие неизбежно в творческом процессе. В лучших рассказах Александра есть именно та «любовь» и то «содержание», о которых упоминал Л.Н. Толстой. А техника? Техника для молодого прозаика средство непреложное. Пользоваться языком, передавать живую речь он умеет очень естественно и непринужденно.

Творчество петрозаводского писателя Валерия Верхоглядова интересно уже тем, что оно биполярно. Во-первых, Валерий – блестящий краевед, пос-

вятивший себя изучению истории родного города, являющийся истинным знатоком Петрозаводска века девятнадцатого, а во-вторых, он же – интересный и умелый рассказчик, создатель ироничной, некрикливой, я бы сказал – умной и в меру ностальгической прозы. Нельзя, конечно же, не упомянуть добрым словом совершенно замечательную его книгу «Петрозаводские истории», вобравшую в себя фрагменты подлинной, живой, порой весьма курьезной, городской летописи позапрошлого века, собранные автором по материалам «Олонецких губернских ведомостей» и других архивных источников. «Дела давно минувших дней» при знакомстве с книгой вдруг представляются вполне осязаемыми и очень созвучными сегодняшнему времени, что рождает у читателя ощущение кровной причастности к вполне осязаемой и наглядной истории российской. Вот так, ни больше ни меньше. Могу свидетельствовать, что книга эта в свое время (а она увидела свет более десяти лет назад) была нарасхват у моих земляков, даже лишь понаслышке знакомых с Петрозаводском и бывавших в нем только проездом. Это ли не признание? Это ли не удача настоящая?

Жалели читатели, конечно, что тираж маловат и купить книгу не представляется возможным. Наличие электронного варианта, кстати, вдохновляло далеко не всех, большинство признавало именно полиграфический продукт. Но, увы, тысяча экземпляров в наше время вполне приличный тираж. Особенно, если учесть, что «Рассказы» Валерия Верхоглядова изданы в 2013 году в количестве двухсот экземпляров. И вновь хочу предвосхитить попытки упрекнуть меня в некоей меркантильности, разве-де в тираже дело, зачем же примешивать к разговору о высокоом приземленные количественные параметры? А затем, дорогие мои, что советую вам прочесть книгу и понять, что это еще одна удача автора, достойная более весомого количественного выражения.

В чем именно удача выражается? А по-моему, прежде всего в том, что, повествуя о, казалось бы, обычном и повседневном, автор без экзальтации и какого бы то ни было пафоса, с умелой иронией говорит о «вечном», о всегда нас волнующем и, слава богу, в нашей жизни все-таки присутствующем. О любви, о верности и предательстве, о способности понимать, прощать и сострадать ближнему, о малых превратностях судеб человеческих, чреватых иногда очень большими последствиями. Конечно, не все рассказы воспринимаются безоговорочно. Можно упомянуть о некоей излишней литературности, красивости «Паровоза», об аналогии «Рассказа о семи топорах» и эренбургских «Тринадцати трубок» (еще не хватало тут упомянуть рассказ Леонида Анд-

реева с пресловутой семеркой в названии)... Мне, например, очень странно и не совсем приятно было читать «Несколько страничек из дневника», явно стоящий особняком в череде остальных рассказов сборника... И тем не менее в целом книга явно получилась. Впечатление она оставляет цельное, несуетливое, основательное. Ни пустого краснобайства, ни зауми нарочитой в ней нет. Некая доверительность присутствует, автор разговаривает с читателем накоротке очень хорошим и понятным русским языком. Вдобавок Валерий Верхоглядов не упускает возможности, как истинный краевед, перенести действие своих повествований в карельскую глубинку и там найти колоритных и очень привлекательных героев, раз и навсегда состоявшихся именно в человеческом смысле этого понятия. И не зря секрет долголетия в одноименном рассказе озвучен бабой Полей так: «Надо быть доброжелательным». Автор следом дополняет: «Последнее слово она произносит как бы деля надвое: добро – желательным. «Понимаешь? – говорит баба Поля» (рассказ «Секрет долголетия»). И если понимать, тогда можно, не заламывая руки, делая полезное многим дело, прожить целую, хоть и короткую, жизнь, будучи от рождения безысходно больным, и уйти так, что «после него не осталось недоделанных дел» (рассказ «Жизнь в ожидании смерти»). И главное – никакой дидактики и плакатности. Верхоглядов, слава богу, на такие изыски неспособен, оставаясь верным отечественной литературной традиции, для коей человек – суть главное явление жизни, даже когда кажется, что таковой и вовсе нет.

И еще об одном авторе и его романе хотелось бы сказать. Мурманский поэт и прозаик, публицист, критик Дмитрий Коржов сейчас готовит к выходу в свет заключительную часть своей трилогии «Мурманцы». Первая и вторая части вышли соответственно в 2008 и 2011 годах и посвящены драматическим событиям, происходившим в Мурманске в период Гражданской и Великой Отечественной войн. В третьей части действие перенесено уже в начало 60-х годов XX века. Таким образом, роман являет собой впечатляющее художественно-историческое повествование, посвященное не только самым, пожалуй, знаковым периодам в истории города, ставшего главным северным форпостом нашей страны, но и, что несомненно важно, людям, жившим в те сложные и во многом трагические времена, именно тем самым «мурманцам», ибо так они себя называли.

Задача, поставленная Дмитрием Коржовым перед самим собой при создании романа, была весьма ответственной и крайне сложной. Ведь в отечественной литературе, кроме повести С. Кол-

басьева «Цетромурцы» и романа В. Пикуля «Из тупика», нет более ничего, посвященного Мурманску и его людям. Да, на региональном уровне велись определенные исторические исследования, и труды мурманских ученых Ю.Климова, А. Киселева, И.Ушакова сыграли значительную роль в конкретизации истории Мурманского края. Но литераторы почему-то обходили данную тему стороной. А вот Коржов уклоняться не стал, посчитав своим долгом написать о тех, кто так или иначе создавал и защищал прекрасный северный город, посвятив и отдав ему всю свою жизнь.

Люди «белого» Мурманна, его защитники в тяжелейшем 1942-м, их дети, живущие на исходе хрущевской «оттепели», есть кого и с кем сравнивать, можно проводить аналогии, искать различия и сходство в характерах, эмоциях, поведенческих стереотипах. Город и его люди. Люди и время, им доставшееся. Реальные герои, такие как Палатников, Ермолов, Веселаго в «белом» Мурманске и далее адмирал Арсений Головкин, легендарный летчик Борис Сафонов, полярник Иван Папанин. И собирательные, вымышленные образы, имеющие, впрочем, и реальные прототипы – Алексей Кольцов, Маша Филатова, Пашка Городошников, Дмитрий Горевои. В романе Коржова они не просто соседствуют, но являются персонажами одного порядка, они в равной мере вписаны в контекст происходящего. Надо сказать, что автор обращается со своими героями весьма свободно, нисколько их не жалея, в соответствии с «законами военного времени». Как с доброй иронией сказал об этом Владимир Семенов: «Писатель имеет полное право распоряжаться судьбами своих героев. Но и тут надо заметить, что Дмитрий Коржов пользуется этим правом на сто пятьдесят процентов». Безусловно, в каждой шутке есть доля шутки, но, на мой взгляд, судьбы героев романа вполне логичны и уж во взбалмошности обращения с ними автора упрекнуть нельзя. Да, жизнь и смерть в романе ходят рука об руку, но едва ли это удивительно. «Ведь какие времена! Там война и тут война».

В свое время определенные споры и нарекания вызвало решение Дмитрия Коржова сделать поморскую девушку Машу Филатову капитаном рыболовецкого траулера, опередив реальные исторические события почти на два десятка лет. Как известно, Валентина Орликова, единственная женщина – капитан БМРТ (и в свое время капитан китобойного судна!), стала им только в 1955 году. Но опять-таки, поскольку «Мурманцы» – произведение художественно-историческое, считаю такой авторский прием вполне правомочным. Вспомним только, что в тридцатые годы прошлого века советские девушки поко-

рили не только трактор, но и морские глубины, освоив водолазное дело, и небо, совершая уникальные авиAPERелеты, устанавливая мировые рекорды дальности, и в Великую Отечественную войну женские авиаполки покрыли себя неувядаемой славой, а Герой Советского Союза Мария Октябрьская сражалась механиком-водителем танка и героически погибла. Отчего же Маше Филатовой не стать капитаном траулера? Не столь уж большое преувеличение, если учесть, что в реальной жизни Валентина Орликова во время войны уже была штурманом, а впоследствии третьим помощником капитана на теплоходе «Двина». Напротив, такой вымысел только на пользу всему повествованию, ибо он существенно помогает более отчетливо увидеть и понять величайшую и уникальную историческую миссию русских женщин, не просто жен, сестер и матерей, но настоящих народных тружениц и героинь, на себе вытщавших непомерную тяжесть войны и явившихся воистину защитницами отечества, без коих военные успехи были бы невозможны в принципе.

Бесспорно, вторая часть «Мурманцы 1942» получилась более динамичной и вообще более зрелой, нежели первая книга. Именно во второй части автору удалось органично вписать конкретных героев, их действия и эмоции в общую картину военного Мурманска, передать характер и атмосферу не показного, ежедневного героизма тех страшных лет, когда война становилась даже некоей обыденностью, но так и не сумела уничтожить в людях светлые чувства, надежду и память. Оно и понятно, автор вместе со своим произведением, если угодно, мужает, становится сильнее, все более и более овладевая темой. Мне думается, что первая книга давалась Дмитрию Коржову гораздо труднее. Пестрота и неоднозначность событий, происходивших на Мурмане в период Гражданской войны, все-таки заставила автора уделить большее внимание личным взаимоотношениям главных героев. При прочтении порой создается впечатление некоей отрешенности Алексея Кольцова, Даши Сазоновой, Ивана Мессера от реальных, весьма драматических коллизий той поры. Но, с другой стороны, создание широкого исторического полотна едва ли входило в творческие планы автора. Тогда бы и роман был иным, и уж не назывался бы «Мурманцы» точно.

Однако Дмитрию Коржову удалось закончить первую часть, сохранив интригу и перспективу развития сюжета в дальнейшем. Еще и поэтому вторая книга принимается читателем лучше, он уже готов к встрече с её героями, он ожидает этой встречи. Несомненная находка и удача второй части – образ Пашки Городошникова, человека широкой души, недюжинной силы и вдобавок поэта-самородка. Автор наде-

лил этого обаятельного докера лучшими качествами настоящего трудового и творческого русского человека, умеющего работать, любить и радоваться жизни, невзирая ни на какие препятствия.

И еще очень показательно общение Пашки Городошникова и Алексея Кольцова, главного героя первой части, бежавшего из Мурманска во время большевистского мятежа в феврале 1920-го и пришедшего в город в 1942-м на одном из английских кораблей очередного полярного конвоя. Они очень разные, широкий, размашистый Пашка и сосредоточенный, почти суровый, очень сдержанный, очень многое осмысливший Кольцов. Когда Городошников называет его мурманчанином, Кольцов резко одергивает Пашку, мол, я – мурманец, подчеркивая различие между ними, то есть между русскими людьми двух несхожих формаций. И все-таки, столь разные, они одинаковы по глубинной своей сути, они оба любят эту северную землю, они, каждый по-своему, преданы России (хоть и она у каждого, очевидно, своя), они готовы проливать за неё кровь и жертвовать без раздумья своими жизнями. И не только они. И летчики Борис Сафонов и Николай Скворцов, кстати, сын Алексея Кольцова, и сестра Маши Филатовой Еликонида с подружками, и даже совсем еще ребенок – мальчишка-сирота по прозвищу Бонивур... Героев, слава богу, в романе хватает. И никогда не оскудеет ими земля российская.

С третьей частью романа, носящей название «Город между морем и небом», мне удалось, с разрешения автора, познакомиться в электронном варианте, еще до выхода книги в свет. Не стану опережать события и «выдавать секреты», скажу лишь, что Дмитрий Коржов в корне сменил стиль повествования, дописывая полотно трилогии широкими, внушительными мазками, продолжая при этом очень жестко и неожиданно распоряжаться судьбами героев романа, вводя в книгу новые действующие лица, причем совершенно реальных людей, с некоторыми из которых и ваш покорный слуга, и многие мои земляки знакомы лично. На мой взгляд, очень удачно и символично вплетаются в повествование пейзажи зимнего Мурманска, картины города уже современного, дождавшегося пуска троллейбуса и визита Фиделя Кастро. Если читать трилогию целиком, сразу, есть прекрасная возможность наблюдать почти полувековую эволюцию города и горожан, сравнить все описанное в романе с нашим сегодняшним днем... А ведь это редкая привилегия, не правда ли?

Роман «Мурманцы» создавался Дмитрием Коржовым на основе подробного и скрупулезного изучения исторического материала, чего не может не почувствовать и не оценить читатель. Это произведе-

ние достойно широкой аудитории и внимания критиков. Аз, грешный, перечитывал роман и еще буду обязательно. Равно как и книги Александра Кирова, и Валерия Верхоглядова, и произведения многих, я уверен, и многих провинциальных авторов, не умеющих гнаться за модой и «быть в тренде», но знающих главное – зачем они пишут, имеющих свой собственный почерк, отвечающих за каждое нанесенное на бумагу слово, не опасаясь остаться невосстановленными и незамеченными.

Ну ладно, а зачем, собственно, я взялся за эти заметки? Посвятил несколько страниц творчеству трех северных авторов, с которыми, кстати, лично и очень неплохо знаком, повздыхал о малых тиражах... А затем, дабы намеренно не академично, но вполне конкретно, в рамках дискуссионного клуба проиллюстрировать некоторые тезисы и мысли, высказанные ранее на страницах журнала «Север» Василием Дворцовым («Удержание русскости в России». «Север», 2013, №11-12) и Иваном Рогощенковым («Духа не угашайте». «Север», 2014, №3-4), присоединяясь к старшим своим коллегам и в целом их поддерживая. Ибо все перечисленные мною в статье авторы представляют действительно русскую литературу и произведения их никогда не состоялись бы, не будучи наполненными искренним состраданием к происходящему, тонким лиризмом повествования, затрагивающим самые сокровенные чаяния и переживания человеческие, и не имей они героев нравственно действительно неколебимых, искушаемых, оступающих, ошибающихся, но в итоге сохраняющих в себе истинно человеческое нача-

ло, не подвластное влиянию сиюминутных выгод и мелких, хоть и заманчивых таких, и порой очень даже желанных, меркантильных резонансов. Читателю только стоит в этом убедиться, поближе познакомившись с творчеством А. Кирова, В. Верхоглядова, Д. Коржова. И еще раз понять: на том и стоит, тем и сильна русская литература, что «духа не угашает», что жертвует временным ради извечного, что служила и служит в том числе и поиску путей нравственного очищения человека, живущего на земле своей не алчным потребителем, а заботливым и участливым тружеником, пусть сегодня и в самом что ни на есть меньшинстве. Иного-то пути нет, значит, будем следовать именно этой дорогой. Пафосно, скажете? А хоть бы и так. Иногда не вредно и пафос почувствовать, и гордость за счастье принадлежности к столь великому явлению, как русская культура и литература в частности. А малые тиражи отнюдь не свидетельство провозглашаемого время от времени «кризиса» отечественной литературы, а подтверждение действительно имеющего место кризиса отношения к русской литературе со стороны тех, кто считает достижение скорых и легких результатов главной целью в жизни человеческой и пытается навязать подобную точку зрения всем остальным. А мы не станем поддаваться и все эти напасти переможем и переживем, следуя своим курсом, таким привычным и таким неизведанным одновременно.

□

Владимир Вадимович ТРУСОВ –

поэт, публицист,

член Союза писателей России.

Родился в Воркуте.

Окончил Ленинградский военмех.

Призер и лауреат ряда литературных конкурсов.

Публиковался в журналах «Север»,

«Осиянное слово», «Приокские зори».

Автор поэтических сборников

«Автопортрет углем» (2010 г.),

«Памяти исчезающих видов» (2011 г.),

«Станция DNO» (2013 г.)

и CD-альбома «Песни без сожалений».

Живет в Мончегорске.

